

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 316

КОРРУПЦИЯ КАК ДЕФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

CORRUPTION AS A DEFORMATION OF THE SOCIAL AND MORAL VIRTUES

В.В. Горбова
V.V Gorbova

Воронежский государственный университет, Россия, 394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
Voronezh State university, 1 University Square, Voronezh, 394006, Russia

E-mail: varvara.vyacheslavovna@yandex.ru

Ключевые слова: коррупция, личная выгода, нравственная культура, общественные нравы, мораль, право, честный труд.

Key words: corruption, self-interest, moral culture, social mores, morals, law, honest work.

Аннотация. В статье анализируется феномен коррупции в этической плоскости. Показано, что коррупция является наиболее сильной и серьезной деформацией социально-нравственных добродетелей, и прежде всего, честного труда. Это свидетельствует о падении общественных нравов, о низкой правовой и духовно-нравственной культуры общества, показателем чего является сниженное отношение к труду. Это порождает в обществе завышенную моральную толерантность к коррупции. Делается вывод, что вне этического анализа и, соответственно, вне этической практики невозможно эффективно решить проблемы, связанные с коррупцией.

Resume. The article analyzes the phenomenon of corruption in the ethical plane. It is shown that corruption is the most severe and serious deformation of the social and moral virtues, and above all, honest work. This testifies to the fall of the public morals, the low legal and moral and spiritual culture of the society, indicated by a reduction attitude to work. This creates moral overcharge tolerance to corruption in a society. It is concluded that is without ethical analysis and ethical practice impossible to effectively solve the problems associated with corruption.

В общественном сознании коррупция традиционно воспринимается как явление аморальнее, безнравственное. Конечно, имеет место и нейтральное отношение к коррупции и даже ее оправдание. Однако полноценное нравственное сознание всегда реагирует негативно на проявление этой социальной патологии. При этом исследование коррупции, определение мер борьбы с ней происходит преимущественно в правовом русле. Но, несмотря на многозначность понятия коррупции, в основе многих определений этого феномена выделяется инвариантное ядро – «личная выгода», имеющее явную этическую окраску. *Этический аспект коррупции* представляется нам поэтому наиболее важным, помогающим раскрыть глубинную сущность этого явления.

Известный специалист в области изучения коррупции, основоположница экономического анализа этого феномена профессор Йельского университета С. Роуз-Аккерман рассматривает коррупцию как злоупотребление государственной властью ради извлечения выгоды. В своей книге она пишет: «Всякое государство контролирует распределение материальных привилегий и льгот и определяет размер налогового бремени. Распределением привилегий и льгот обычно занимаются государственные чиновники, обладающие правом действовать по своему усмотрению. У частных лиц и компаний, стремящихся получить режим наибольшего благоприятствования, может возникнуть

желание купить такой режим. Плата за получение материальной выгоды и является случаем коррупции» [Роуз-Аккерман, С. 7].

Исследователь отмечает, что есть один универсальный и главный мотиватор человеческой деятельности, объясняющий различия в социально-культурном опыте различных наций. Это мотиватор – «свокорыстный интерес», включающий в себя «тягу к обеспечению благосостояния своей семьи и своей социальной ячейки. Критики именуют это алчностью, экономисты – максимизацией полезности. Как бы ни называть это свойство, общества различаются тем, как они канализируют свокорыстный интерес» [Роуз-Аккерман, С. 2]. Это экономический взгляд на природу коррупции, но он помогает уяснить ее *этическую природу*, связанную всегда с таким отрицательным моральным свойством как «свокорыстный интерес».

А вот определение известного российского специалиста в этой области В. Д. Андрианова: «Коррупция – использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным законом и правилам» [Андрианов, С. 39.]. Причем, нужно добавить, что это осознанное использование властных полномочий. Тем самым, речь в данном случае идет о системном и масштабном характере данного явления, свидетельствующего о том, что этот нравственный порок становится привычкой или более точно – страстью.

Страсть к личной выгоде в ущерб общественному благу не может не осуждаться. Однако, несмотря на всеобщее порицание, явление это, увы, широко распространенное и трудноискоренимое. Многие исследователи считают коррупцию вообще неустранимой, поскольку она как социальная болезнь всегда будет возникать при любой социальной организации. И как преступность считается неискоренимой, так же неискоренимой считается и коррупция. Вот показательные мнения из недавних диссертационных исследований: «Коррупция как особое социальное явление существует в любом обществе, которое нуждается в управлении, и искоренить ее полностью невозможно» [Изотов, С. 3]; «Данное явление не является специфическим продуктом современности, а присуще человечеству на протяжении тысячелетий» [Токарев, С. 7].

Действительно, такие выводы делаются большинством авторов, исследующих тему коррупции. Коррупция, как было сказано выше, связана с серьезным нравственным дефектом личности, который именуется страстью к наживе или *корыстолюбием*. И в таком качестве, эта страсть, или нравственный порок, действительно трудноискореним. Т. Гоббс в своем знаменитом трактате «Левиафан» писал по этому поводу: «Желание богатств называется *корыстолюбием*. Это слово всегда употребляется в постыдном смысле, ибо люди, конкурирующие между собой в достижении богатств, недовольны успехами друг друга; однако само по себе это желание постыдно или допустимо в зависимости от тех средств, при помощи которых эти богатства добываются» [Гоббс, С. 41-42]. История общественных и политических систем показала, что средства, с помощью которых реализуется корыстолюбие, всегда постыдны.

В проекции на религиозную этику это называется сребролюбием или стяжательством. Согласно евангельской трактовке *сребролюбие* есть корень всех зол: «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогатиться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1-е Тимофею 6, 7-10). В другом месте говорится: «При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания...» (Лук. 12:15). За внешним стремлением к материальным благам, преимущественно к деньгам, христианская этика усматривает здесь более глубокую привязанность человека к миру ложных, мнимых ценностей. Это свидетельствует о нарушении иерархии духовных ценностей, что является наиболее сильным показателем человеческой греховности.

С точки зрения христианского богословия грех сребролюбия настолько сильно поразил человеческую природу, что это сказалось самым фатальным образом на духовном облике европейской культуры. Авторитетный религиозный философ В. В. Зеньковский писал по этому поводу: «Дух «стяжания», сребролюбия, искания почестей, подмен внутренней отданности Христу внешним делом – все это меняло христианский мир уже до неузнаваемости» [Зеньковский, С. 514]. Исходя из религиозных аргументов, коррупция

является естественным и закономерным результатом грехопадения, что переносит борьбу с ней исключительно в духовный план.

Кроме обозначенного выше свойства, которое является личным моральным качеством человека (или его «грехом», если следовать религиозной традиции), коррупцию необходимо рассматривать в контексте социальных ценностей. Ее появление обусловлено общим *падением нравов*, то есть падением духовной, правовой культуры общества. Это падение не обязательно рассматривать в жесткой причинно-следственной связи с отходом от религиозных ценностей. Конечно, определенная взаимосвязь здесь имеется, однако нравственные ценности имеют не только религиозный исток. «При низкой духовной культуре ненависть, ревность, жажда обогащения обнаруживаются во всей силе» [Попов, С. 123] – отмечает современный исследователь, связывая, тем самым нравственное состояние общества и появление социальных пороков, прежде всего, коррупции.

Современная нравственная культура российского общества – тема достаточно объемная и многомерная. Здесь необходимо учитывать *фундаментальную смену этической парадигмы*, о которой философ-этик А. В. Разин в статье «Исторические формы морали» говорит так: «Современная этика, безусловно, столкнулась с достаточно сложной ситуацией, в которой многие традиционные моральные ценности оказались пересмотрены. Традиции, в которых ранее во многом виделось основание исходных моральных принципов, зачастую оказались разрушенными. Они потеряли свое значение в связи с глобальными процессами, развивающимися в обществе и быстрым темпом изменения производства, переориентацией его на массовое производство. В результате этого возникла ситуация в которой противоположные моральные принципы предстали как равно обоснованные, в одинаковой степени выводимые из разума» [Разин, С. 16].

Данная ситуация характеризуется значительной трансформацией аксиологических приоритетов в сторону *плюрализации и автономизации* ценностей. По отношению к России эта тенденция приобретает тревожный и опасный характер: «Изменчивость и событийность мира, социальная мимикрия современного человека не вписывается в классические ценностные системы. Такая «моральная мобильность» способствует потере четких критериев дозволенного и недозволенного, достойного и недостойного, когда некоторые моральные понятия (честь, достоинство и др.) исчезают из лексикона современного человека. Релятивизация моральных принципов и отказ от ценностной иерархии приводят к равнозначности и оправданности любых человеческих деяний. Общество становится все более толерантным к тем образцам поведения, которые категорично отрицались еще в недавнем прошлом» [Лаптенко, С. 79].

Данная характеристика затрагивает формальную сторону изменения морального микроклимата в обществе. Содержательная сторона этой тенденции достаточно емко описано в следующих словах: « В последние два десятилетия в связи с естественной сменой поколений на смену колхозно-совхозному культурному типу приходит человек «попсы», т.е. массовой потребительской культуры, яркими примерами которой могут служить рестораны фирмы «Макдоналдз» или низкопробные боевики» [Щукин, С. 70].

Таким образом, в современной культуре произошла *трансформация содержания и функционального назначения морали*. Мораль не выступает в качестве источника высоких нравственных императивов, она скорее оправдывает низкие потребительские вкусы большинства. В результате чего появилась моральная среда, наиболее благоприятна для процветания коррупции. Она проявляется в том, что население становится *морально толерантным* к феномену массовой коррупции. Исследователи отмечают, что аномально высокий уровень развития коррупционных отношений в современной России обусловлен «доминирующими в общественном сознании субъективными оценками и ценностными установками, рассматривающими совершение коррупционных действий в качестве обычного, «нормального» вида поведения» [Изотов, С. 8].

Здесь исток нравственной деформации общественного сознания, о котором известный философ И. К. Пантин говорит следующее: «Мораль в России, как это ни странно, оказывается в заложниках у правоприменительной практики. Когда коммерческий или иной успех достигается неправовыми методами, когда часть населения оказывается фактически бесправной перед наглостью и безнаказанностью корпораций (как это, например, происходит с обманутыми дольщиками по всей стране, кроме, пожалуй, Москвы), тогда в сознании людей слабеет значимость такой моральной нормы, как справедливость, а подobaющее человеку нравственный самоконтроль превращаются в фикцию, от которой надо радикально

избавляться. Но все-таки главная опасность заключается даже не в этом. Главное – это внутренняя готовность сотен тысяч людей (если не миллионов) к противоправному поступку, особенно если он к тому же щедро оплачивается. Эта готовность означает не только моральную неустойчивость. Она свидетельствует, что «средний человек» в России перестает быть существом общественным не только в сфере внешних социально-экономических зависимостей, но и в области внутренних нравственных своих определений. Его поведение и акты воли детерминируются главным образом извне, ситуацией, а не изнутри, нравственностью. Человек разрешает себе все, что ему выгодно, как бы эта выгода ни соотносилась с нормами морали, с общественными интересами. Вообще говоря, так действует природное существо, но не человек как общественный субъект» [Пантин, С. 25-26].

Иначе, как низкой нравственной культурой общества это не объяснить. Если разобраться в истоках самого механизма падения общественных нравов, то необходимо сказать, что *сниженное отношение к труду* является одним из наиболее значимых проявлений этого падения, и возможно, причин. Известный специалист по этике Е. В. Золотухина-Аболина выделяет особый класс социально-нравственных добродетелей, к которым относит, прежде всего, *трудолюбие, мужество, патриотизм и гражданственность, любовь к семье*, а так е добродетели коммуникации: гуманность, способность дружить, товарищество. «Все эти качества человека: любовь к Родине и семье, способность дружить и самозабвенно трудиться, стойкая верность убеждениям, радение о делах общества и государства – проявляются в конкретной повседневности» [Золотухина-Аболина, С. 291]. Иными словами, социально-нравственное добродетели, по мнению автора, это «житейское преломление высоких этических принципов».

Важно то, что в числе социально-нравственных добродетелей трудолюбие стоит на первом месте. Это не случайно. Отношение к труду – важнейший индикатор и индивидуального и социального нравственного состояния. Многие исследователи считают труд главным атрибутом человека; труд и человек – неразделимые категории и тождественные понятия. Современный автор пишет: «Труд как деятельность является только целесообразной человеческой деятельностью, при которой исключается присвоение чужого конечного продукта – это во-первых, а, во-вторых, труд, как социальное качество, присущее только человеку (обществу), представляет собой процесс внутреннего переживания человека, возвышающий его человеческие качества – человечность» [Парцвания, С. 153].

Кроме этого, труд представляет собой и метафизическую ценность, поскольку связан с такими феноменами как игра и творчество. Проанализировав взаимоотношение этих понятий на примере творчества Ф. М. Достоевского, Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, А. П. Платонова, современный исследователь дает такую формулу взаимосвязи этих феноменов: «...если труд обладает только внешней целью, но не имеет внутренней, а игра обладая лишь целью внутренней, не имеет внешней, то творчеству присущи одновременно и внутренняя, и внешняя цели. И если труд представляет собой своеобразный «базис» для творчества, его деятельностьную первооснову, то игра выступает в качестве особой духовной «надстройки» над творчеством, отчасти с ним пересекающейся» [Коваленко, С. 169]. В ситуации тотальной коррупции исчезает не только нравственный, но и метафизический смысл труда. Но более всего страдает, конечно, честный труд, поскольку коррупция дискредитирует нравственные мотивы честного труда.

Честный труд сегодня, к сожалению, уходит на периферии общественно значимых ценностей, уступив место труду нечестному, связанному с жульничаньем, махинациями и воровством. Стремление добросовестно и упорно трудиться не входит в число нравственных приоритетов личности. Произошла дискредитация идеалов честного труда. Современный философ-этик О. С. Пугачев так говорит об изменении нравственного отношения к труду в потребительскую эпоху: «Паразитизм общества потребления стал обычным и обыденным, более того, он приобрел блестящую обертку и выдается за норму или достижение. Человек труда стал не просто абстракцией, нет: о нем непринято даже говорить» [Пугачев, С. 3].

Характеризуя современный российский крупный бизнес и высшую бюрократию, исследователи отмечают, что здесь господствует «поклонение деньгам и предметам потребления, а не труду и творчеству. Отсюда культ потребления, а не приумножения капитала» [Сердобинцев, 2012]. Экономическая и политическая элита, тем самым, дискредитирует честный труд, что способствует в коечном счете появлению и процветанию коррупции.

Коррупция, таким образом, является наиболее сильной и серьезной деформацией социально-нравственных добродетелей, и прежде всего, честного труда.

Какие в этой ситуации могут быть предложены меры? Совершенно очевидно, что правовых механизмов борьбы с коррупцией явно недостаточно. При всей необходимости правовой регуляции нужно понимать, что истоки коррупции лежат в морально-этической плоскости. Безусловно, полагаться только на мораль есть благодушие и утопия. Благими пожеланиями не исправить моральный климат в обществе. Но недооценивать моральный аргумент такая же утопия в деле борьбы с коррупцией. Мы уже отмечали выше, что основное направление исследований, связанных с коррупцией, это исследования экономического, политологического и юридического характера, которые, как правило, вообще не принимают в расчет моральную аргументацию. Многим трезвомыслящим и прагматичным ученым и практикам кажутся наивными рассуждения о нравственной порочности человеческой природы, склонной к преступлениям.

Однако, вне этического анализа и, соответственно, вне этической практики нам представляется невозможным решить проблемы, связанные с коррупцией. О важности *этической мотивации* вообще говорит известный российский философ М. Т. Степанянц: «Прагматический расчет, будь то материальный или политический, способен объединить группы людей, заинтересованных в практической выгоде, но он не в состоянии служить делу всенародного объединения вокруг вдохновляющей идеи, принципа, идеала. Здесь требуется **этическая** мотивация, которая может быть сформулирована лишь при опоре на национальное культурное наследие, осмысленное с учетом требований нового времени» [Степанянц, С. 10].

Этическая мотивация существования – искомое, необходимое для преодоления многих нравственных пороков общества, в том числе и такого социального зла как коррупция. Вообще, нравственная рефлексия может оказаться куда более действенной в вопросе раскрытия преступного намерения, чем это кажется жесткому юридическому мышлению. Современные исследователи понимают важность этического анализа истоков преступной воли для принятия адекватных практических решений: «...для определения пути добра в борьбе с преступностью (злом) необходимо направить усилия для постижения смысла зла» [Исаев, С. 179]. Если преступление есть зло, (а коррупция, это, безусловно, преступление), то исследование зла как нравственной и метафизической проблемы будет способствовать более адекватным и действенным методам борьбы с преступностью.

Нужно отметить, что применительно к коррупции этический анализ встречается крайне редко. Причем со стороны философского сообщества. Из недавних мероприятий можно отметить прошедший в 2011 г. в Институте философии РАН круглый стол, на котором обсуждался этический аспект борьбы с коррупцией. Участники круглого стола пришли к выводу о необходимости расширения контрольных полномочий самого общества [www.regnum.ru].

Но для этого необходимо повышать не только правовую, но и нравственную культуру общества. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на монографию В. Бондаря «Общество против коррупции». Автор задается такими вопросами: «Должно ли общество свыкнуться с коррупцией как с неизбежным злом? Может ли общественная система функционировать без взяток и подношений как платы за эффективность чиновничьего аппарата? К чему приведет бездействие в отношении прогрессирующей коррупции? Можно ли ощутимо снизить ее уровень и какие меры для этого нужны?»

Автор помимо анализа социально-экономических и правовых проблем самым серьезным образом обращает внимание на нравственные аспекты в борьбе с коррупцией. Важным является анализ общественного сознания, которое оказывается толерантно к коррупции. «Более половины наших граждан определяют коррупцию как положительное явление» – отмечает автор, делая такой вывод: «**Отсутствие подсознательного негативного смысла в термине «коррупция»** – одна из причин того, что в обыденном понимании это слово воспринимается многими российскими гражданами не как разрушение власти, а как взаимоотношения легального или нелегального обмена» [Бондарь, С. 21].

Таким образом, завышенная моральная толерантность к коррупции порождает терпимое к ней отношение. В. Бондарь предлагает наряду с широкомасштабной борьбой с коррупцией, включающей в себя и силовые методы противодействия, и информационную компанию, и регламентацию действия чиновников, и усовершенствование системы контроля за деятельностью бюрократии и многое другое, *усовершенствование морального климата и*

восстановление норм морали. Он отмечает: «Противодействие коррупции может включать систему моральных поощрений и наказаний, которые могут иметь не меньшее влияние на ментальные установки в отношении коррупции, чем система уголовных, административных и дисциплинарных наказаний» [Бондарь, С. 223].

Как бы ни утопично и абстрактно это не выглядело, но без морального аспекта иные методы борьбы с коррупцией оказываются малоэффективными. Мы убеждены, что восприятие коррупции как деформации социально-нравственных добродетелей может реально способствовать ее посильному преодолению.

Список литературы References

1. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы. М. : Логос, 2003.
2. Андрианов В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. – М.: Волтерс Клувер, 2011.
3. Изотов М.А. Коррупция в современной России. Диссертации на соискание кандидата филос.н. по специальности 09.00.11. орел, 2012.
4. Токарев Б.Б. Социально-философское осмысление феномена коррупции. Диссертация, на соискание степени кандидат философских наук по специальности 09.00.11. М., 2011.
5. Гоббс Т. Левиафан // Соч. В 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
6. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1996.
7. Попов Л.А. Десять лекций по этике. – М.: Изд-во «Ось-89», 2001. – С. 123.
8. Разин А.В. Исторические формы морали // Проблемы этики: Философско-этический альманах. Вып. III. – М.: Алькор Паблшерс, 2012.
9. Лаптенко А.С. Мораль в условиях трансформирующегося общества // Актуальные вопросы фундаментальной и прикладной этики: к 90-летию со дня рождения профессора В.Г. Иванова: матер. Международной научно-практической конф. СПб.: СПбГУП, 2012. 156 с.
10. Шукин В.Г. Город и свобода. Историко-культурные заметки // Вопросы философии. 2012, №8. – С. 70.
11. Пантин И.К. Социально-политический переворот 1991–1993 гг. и кризис нравственного сознания в российском обществе // Политико-философский ежегодник. Вып. 5. – М. : ИФРАН, 2012. – С. 25-26.
12. Золотухина-Аболина Е.В. Курс лекций по этике. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
13. Парцвания В.В. Философия труда // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сборник философских статей. Выпуск I. СПб.: «Петрополис», 2001.
14. Коваленко В.А. Труд и игра в контексте творчества // Вопросы философии. – 2011. №12.
15. Пугачев О.С. «Не хлебом единым...» // Нравственность и хлеб насущный: сб. мат-лов. науч.-практ.конф. – Пенза? РИО ПГСХА, 2006. С. 3.
16. Сердобинцев К.С. Дифференциация власти, собственности и управления – необходимое условие модернизации и развития гражданского общества в России // Вопросы философии. 2012, №4.
17. Степанянц М.Т. Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. 2012. № 1.
18. Исаев А.А. О роли духовности в борьбе с преступностью как социальным злом // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму (К 70-летию со дня рождения В.П. Фетисова). – М.: Флинта; Наука, 2012.
19. <http://www.regnum.ru/news/polit/1464890.html>
20. Бондарь В. Общество против коррупции. Муниципальные программы противодействия коррупции. – М.: Московская школа политических исследований, 2008.